

На правах рукописи

ГАГЛОЕВА БЭЛА БОТАЗОВНА

**КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1920-1930-Х ГГ.:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ
СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Ставрополь – 2023

Работа выполнена на кафедре теории и методики истории и обществознания государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» (г. Ставрополь)

Научный руководитель:

Туфанов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики истории и обществознания (на условиях совместительства) ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»; заведующий кафедрой философии и истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный аграрный университет» (г. Ставрополь)

Официальные оппоненты:

Ишин Андрей Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Акопян Виктор Завенович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск)

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

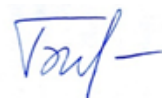
Защита состоится «17» ноября 2023 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.320.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, ауд. 3030 Л.

E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан «6» сентября 2023 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Окончание Гражданской войны стало прологом серьезных изменений не только в экономике, политике, но и в социальной сфере российского общества. Дореволюционная социальная структура общества была разрушена, сформировалась качественно иная социальная структура. В том числе, сложилась группа участников Гражданской войны, проявивших себя в партизанских отрядах. Термин «красные партизаны» возник в ходе Гражданской войны. К лицам, входившим в состав воюющих сторон и воевавшим с оружием в руках, применим также термин «комбатант», что позволяет использовать оба понятия как синонимы. Красные партизаны в регионах нередко составляли единственную политическую опору местных большевиков и сыграли значительную роль в борьбе с антисоветскими силами. Осознание своей исключительности придавало им уверенность в морально-психологическом и статусном превосходстве над остальными группами общества.

Научная актуальность исследования определяется тем, что общественные настроения, проблема интеграции красных партизан в мирную жизнь, их участие в социалистических преобразованиях и взаимоотношения с органами власти в межвоенный период в Северной и Южной Осетии ещё не становились предметом специального комплексного исследования.

Вопрос о роли красных партизан в советском обществе представляется важным в силу уникальности данной социальной группы, активно проявившей себя в Гражданской войне, новой экономической политике и коллективизации. Мало изучены общественные настроения комбатантов; не исследована активность этой социальной группы на Северном Кавказе, где в неё входили представители, прежде всего, крестьянства со своим видением жизни. В итоге коллективизации большинство красных партизан поддерживали и (или) приспосабливались к политике ВКП(б) в деревне. Но их наиболее активная и бескомпромиссная часть выражала недовольство в виде открытых выступлений и стихийных протестов.

Изучение общественных настроений и поведения бывших красных партизан даёт возможность по-новому осмыслить взаимоотношения власти и общества в 1920–1930-х гг., раскрыть способы интеграции в мирную жизнь людей, для которых война стала основным занятием. Рано или поздно противостояние заканчивается, и для органов власти важно понять общественные настроения бывших комбатантов, организовать их адаптацию к мирной жизни. Поэтому исторический опыт краснопартизанского сообщества в Осетии 1920–1930-х гг. может быть востребованным и ценным.

Объект диссертационного исследования – это красные партизаны – ветераны Гражданской войны как социально-исторический феномен.

Предмет диссертационного исследования – изменения общественных настроений и активности красных партизан – ветеранов Гражданской войны в Северной и Южной Осетии (1920–1930-е гг.), особенности их взаимоотношений с советской властью.

Территориальные рамки исследования включают ареал компактного проживания осетин в 1920–1930-х гг., разделённый по политическим соображениям между двумя субъектами СССР – РСФСР (в её составе – Северо-Осетинской автономной областью) и Грузинской ССР (в её составе – Юго-Осетинской автономной областью). Этническое единство народа позволяет в ряде случаев употреблять термин «Осетия» без указания её частей.

Хронологические рамки исследования охватывают 1920–1930-е гг. – период коренных трансформаций общества, применения органами власти двух различных стратегий строительства социализма: нэпа и индустриализации, что сопровождалось кризисом традиционных ценностей и созданием новых, коммунистических идеалов. Начальная граница исследования связана с установлением в данном регионе Советской власти, а конечная – с периодом до начала Великой Отечественной войны.

Степень научной разработанности проблемы. В историографии исследуемой проблемы можно выделить следующие периоды: 1) 1917 г. – начало 1930-х гг.; 2) первую половину 1930-х – середину 1950-х гг.; 3) вторую половину 1950-х – 1980-е гг.; 4) 1990-е гг. – по настоящее время.

В рамках первого периода 1917 г. – начало 1930-х гг. историки могли анализировать экономические и политические процессы 1920-х гг., только поделив советское общество на красных и белых, полутонув не допускалось, что не давало возможности объективно и беспристрастно изучать красных партизан и их движение. На региональном уровне история Гражданской войны также корректировалась партийно-государственными структурами¹. Послевоенная жизнь бывших красных партизан рассматривалась лишь через призму аграрных преобразований в Осетии². Под запрет попали: анализ отношения крестьян к экономической политике; негативные аспекты коллективизации; недовольство городских жителей; партийно-государственный диктат и др.

В работах второго периода (первой половины 1930-х – середины 1950-х гг.), несмотря на введенный в научный оборот обширный архивный материал, советская историография, цензурный контроль над которой ужесточился, проявляла избирательность подходов к изучению многих тем³. Содержание Граж-

¹ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2-х т. Ростов н/Д, 1927; Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. В 2-х т. Ростов н/Д, 1930.

² Датиев И.М. Земельный вопрос в Горской Советской Социалистической Республике. Владикавказ, 1921; Хасиев А.И. Хозяйственное и социокультурное строительство Северной Осетии. Владикавказ, 1926; Авсарагов М. Промышленность и сельское хозяйство Северной Осетии за 10 лет Советской власти (1920–30) // Революция и горец. Ростов н/Д, 1930. № 8. С. 35–39.

³ Буркин И.Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1933; Ванети З.И. Народное хозяйство Юго-Осетии за 10 лет и перспективы его развития // Изв. Юж.-Осетин. НИИ. Цхинвали, 1933. Вып. 1. С. 56; Бутырина П.А. Из национально-освободительной борьбы Южной Осетии // Борьба классов. 1934. № 4. С. 3–7; Санакоев В.А. Гражданская война в Юго-Осетии 1917–1921 гг. // Известия Юж.-Осетин. НИИ. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 42–47.

данской войны и её последствия оказались искажёнными¹. Так, колхозная жизнь обязательно представлялась как величайшее благо для сельских жителей.

В рамках третьего периода (вторая половина 1950-х–1980-е гг.), который вызван был реформами «оттепели», советские исследователи получили некоторую свободу. Реабилитация многих видных деятелей красных партизан и РККА дала возможность привлечь новый архивный материал и расширить тематику исследований специфики Гражданской войны и социалистических преобразований в Осетии². Стала признаваться положительная роль в революционном движении Осетии партии «Кермен». Но в региональных публикациях вся раннесоветская история сводилась к победе большевиков в Гражданской войне, которые якобы пользовались непререкаемым авторитетом в народной среде, в том числе – среди красных партизан³.

Существовал политический заказ на восхваление Коммунистической партии и её роли в советской истории. Это вело к конъюнктурной деформации, многие темы, прежде всего, – история революции и Гражданской войны освещались в жёстких идеологических рамках. Упор делался не на объективном изучении исторических процессов, а на создании героического образа борцов-красных партизан и Гражданской войны в целом и в историографии, и в исторической памяти⁴.

¹ Дзокаев К.Х. Материалы по истории коллективизации крестьянских хозяйств Северо-Осетинской АССР // Изв. Сев.-Осетин. НИИ. Дзауджикау, 1945. Т. X. Вып. 2. С. 3–11; Узнародов М.Т. Борьба коммунистов Северного Кавказа за укрепление Советской власти и разрешение аграрного вопроса (1920–1921 гг.) // Учён. записки Ростов. гос. пед. ин-та. 1954. Вып. 2.

² Никонов И.Д. Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. Сталинир, 1956; Ванеев З.Н., Догузов П.В. Из истории борьбы трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть Сталинир, 1957; Цховребов И.Н., Плиев Б.З. Борьба трудящихся Юго-Осетии за установление Советской власти (1917–1921 гг.) // Известия Юго-Осетин. НИИ. Цхинвали, 1957. Вып. 8; Плиев Б.З. О культурном строительстве в Юго-Осетии в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Известия Юж.-Осетин. НИИ. Сталинир, 1960. Вып. X. С. 113–135; Кулов С.Д. Повстанцы Юго-Осетии в Терской Советской Республике // Изв. Юж.-Осетин. НИИ. Цхинвали. 1962. Вып. 11. С. 200–231.

² Цховребов Н.З. Очерки истории Юго-Осетинской организации Компартии Грузии. Ч. 1. 1905–1921 гг. Сталинир, 1961.

³ Марзоев М.Е. Борьба Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первые годы восстановительного периода (1921–1922) // Учён. записки Сев.-Осетин. гос. пед. ин-та. Орджоникидзе, 1958. Т. 23. Вып. 3. С. 3–25; Екати Б.П. Большевики Терка во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции. Орджоникидзе, 1964.

⁴ Тотоев М.С. Солдат революции: (Краткий исторический очерк о жизни и революционной деятельности С. Такоева). Орджоникидзе, 1967; Очерки истории Юго-Осетии. Цхинвали, 1969. Т. I; Плиев Б.З., Цховребов И.Н. Образование Юго-Осетинской автономной области. Цхинвали, 1972; Кулов С.Д. Керменисты в борьбе за Советскую власть. Орджоникидзе, 1973; Плиев Б.З. Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть (1917–1921 гг.). Цхинвали, 1977; Кесаев А.К. Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов. Орджоникидзе, 1979; Цховребов В.Д., Санакоев М.П. Южная Осетия в период трех революций (1900–1921). Тбилиси, 1981; Борцы революционного движения в Юго-Осетии / сост. И.Н. Цховребов. 2-е изд., доп. Цхинвал, 1987.

На рубеже 1980–1990-х гг. в отечественной историографии произошел антропологический поворот, который способствовал развитию новых научных направлений (истории повседневности, локальной истории, исторической антропологии и др.). На современном этапе развития историографии поставлены новые исследовательские задачи и разрабатываются новые методологические подходы к решению вопросов о роли социальных групп в политической жизни советского общества в 1920–1930-х гг.

Большой интерес представляют работы, в которых исследуются вопросы изменений аграрной и национальной политики в Северо-Кавказском регионе в 1920–1930-х гг.¹ Впервые историки стали обращать внимание на адаптацию бывших красных партизан и красногвардейцев в условиях советских преобразований². Исследователи отмечают, что бывшие красные партизаны поддерживали идеи советской власти, но имели свою позицию, и большевики не могли её игнорировать.

Интересные соображения высказал в концептуальной статье А.В. Посадский³. Анализ архивных документов позволил историку сделать вывод о том, что в партизанском сообществе удивительным образом уживались две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, комбатанты не всегда были довольны отношением со стороны власти, которая не отплатила им за героизм и страдания в годы Гражданской войны, но, с другой стороны, эти же люди желали вновь пойти под дула винтовок, чтобы защитить советскую власть от «контры». Важную исследовательскую работу провела О.М. Морозова, которая сделала вывод о том, что экономическая и социально-политическая обстановка 1920–1930-х гг. усложнялась непродуманными, агрессивными и насильственными действиями властей. Это не могло не вызывать нарастания напряжения между властью и сообществом красных партизан⁴.

¹ Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов н/Д, 2010; Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2016; Аверьянов А.В. «Восточные народности» Юга России в контексте советской национальной политики 1920–1930-х гг. // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2020. № 2 (102). С. 60–67; Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества / авт.: В.В. Касьянов, А.В. Баранов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков. Краснодар, 2022; Баранов А.В., Ишин А.В. Политические настроения беднейшего крестьянства Юга России в условиях перехода к новой экономической политике // Клио. СПб., 2023. № 8 (200). С. 137–146.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы «красных партизан» в 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2009. № 3. С. 230–238.

³ Посадский А.В. Феномен красных партизан. 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 49–56.

⁴ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная жизнь ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010; её же. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; её же. Цари, казаки, красные командиры...: Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2010; Разиньков М.Е., Морозова О.М., Посадский А.В. Деструкция

Большой интерес данная тема вызвала в Северной и Южной Осетии¹. Историки рассматривают вопросы социального положения, политического статуса, карьерного роста, оппозиционных настроений, вызванных не оправдавшимися надеждами и др.

Таким образом, историки, свободные от жёсткого идеологического прессинга, исследуют аспекты проблемы, ранее не становившиеся объектом изучения, но игравшие важную роль в истории 1920–30-х гг. В новейших исследованиях активно применяются подходы политической, социальной, военной истории, что формирует новую концепцию Гражданской войны². Одним из современных направлений стала социальная история, главным объектом изучения которой являются социальные группы, их взаимодействие, конфликты, общественные движения и др.

В региональной историографии стал возрастать интерес к повседневной жизни населения³. Не обойдены вниманием политические процессы, которые отразились на умонастроениях жителей Северной и Южной Осетии⁴. Значительное внимание уделяется взаимосвязи между репрессиями 1930-х гг. и меж-

здоровья участников военных действий под влиянием «долгой войны» 1914–1922 гг. // Мanusкрипт. Тамбов, 2020. Т. 3, № 1. С. 42–49.

¹ Гаглоева Б.Б. Материальное положение красных партизан в 1930-х гг.: специфика и региональные особенности льготной программы (на материалах Юга Осетии) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 9 (53). С. 51–54; Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. «Про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете»: комбатанты Осетии в эго-документах // Электронный журнал «Кавказология». Нальчик, 2018. № 3. С. 54–68; Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия Сев.-Осетин. ин-та гуманитар. и социальн. исслед. Владикавказ, 2017. № 25 (64). С. 88–99; Гаглоева Б.Б. Анкеты бывших красных партизан как источник по социально-политической истории 1920–1930-х гг. (на материалах Северной и Южной Осетии) // Альманах Кавказчество. 2020. № 49 (7) С. 59–64; Khubulova S.A., Sosranova Z.V., Dzotsoeva Z.E., Tsarikaev A.T., Gagloeva B.B. Social reflections of former civil war red partisans in the post-war period // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Grozny, 2019. P. 2510–2515.

² Тадтаев Т.В. Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ 2009; Морозова О.М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2012.

³ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169; Дзугаев К.Г. К вопросу об определении понятия «окна возможностей» // Вестник Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2015. № 2. С. 27–31.

⁴ Чехоева И.А. Социальная политика советской власти на Северном Кавказе в 1917–1924 гг. (на материалах Терской республики и Горской АССР). Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2001; Цховребов И.Н. Юго-Осетинский Национальный Совет. Цхинвал, 2005; Царикаев А.Т. Практика лишения избирательных прав граждан в 1920-е годы // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сб. науч. тр. Владикавказ, 2009. С. 206–209; Судакова Т.Г. Создание и деятельность Отделения Верховного трибунала ВЦИК в Горской АССР (1921–1923 гг.): исторический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.

этническими отношениями¹. Глубинное познание этих проблем позволяет проследить тенденции адаптации красных партизан к новым условиям жизни и повседневным практикам 1920–1930-х гг., обратную связь между советской властью и бывшими комбатантами.

Вместе с несомненными достоинствами указанных работ, тема требует междисциплинарного подхода для всестороннего анализа экономических, социокультурных, поведенческих и других аспектов. Хотя предшественники, создавшие историографическую традицию, обращались к теме революции и Гражданской войны, но изменения общественных настроений и активности красных партизан, их взаимоотношения с советской властью в 1920–1930-х гг. требуют углублённого изучения. Системный анализ источников, значительная часть которых впервые включена в научный оборот, позволяет восполнить существующие в историографии проблемы лакуны.

Цель диссертации – определить изменения общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии под влиянием партийно-государственной политики 1920–1930-х гг.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

- раскрыть социально-экономические причины вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну;
- установить цели и социальный состав красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1918–1921 гг.;
- выявить противоречивость социальной адаптации красных партизан Северной и Южной Осетии к преобразованиям общества в 1920–1930-х гг.;
- раскрыть основные проявления общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.;
- охарактеризовать формирование системы политического контроля над красными партизанами в 1920–1930-х гг. в Северной и Южной Осетии;
- определить особенности репрессий в отношении бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1930-х гг.

Методология и методы исследования находятся в тесной связи с поставленной целью и задачами работы. Принципы историзма, объективности и системности потребовали рассмотрения предмета исследования в хронологическом контексте и способствовали установлению причинно-следственных связей на протяжении исследования.

Сравнительно-исторический метод позволяет рассмотреть сообщество комбатантов в сравнительной перспективе, выявить характерные особенности

¹ Цховребов Ю.В. Южная Осетия и трагический 1937 год // Ванеев В.Д. Люди, помните о нас. Книга-справочник о репрессированных гражданах Республики Южная Осетия. Цхинвал, 2005. С. 7; Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007; Тадтаев Т.В. Южная Осетия в 1920 году: Ч. 1 // Вестник Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2015. № 2. С. 75–80; Дзугаев К.Г. Южная Осетия и большой террор в советской Грузии // Вестник Владикавказ. науч. центра. 2017. Т. 17, № 4. С. 10–18.

психологии красных партизан в годы революции, затем – в период нэпа и преобразований 1930-х гг.

Историко-генетический метод позволил реконструировать социальные и политические процессы в их хронологической последовательности и взаимодействии.

Структурно-функциональный метод обеспечил выяснение организационного строения краснопартизанских организаций, задач их деятельности, а также направлений партийно-государственной политики в отношении бывших красных партизан.

Статистический метод способствовал уточнению информации о количестве участников революционных событий, их возрастном и культурном уровнях, а также дополнению сведений об экономическом положении региона в изучаемые годы.

Определение предмета исследования дало возможность построить работу в рамках исторической антропологии, что предполагает анализ событийного многообразия через истории обычных людей и их жизненных стратегий, состоящих из таких форм, как организация своего социального пространства, досуг, работа, карьера, условия существования, взаимоотношения с властью и окружающим миром; трансформацию мировоззрения и нередко нарастание протестных настроений. Разрушение традиционных форм общежития крестьянского мира приводило не только к социально-экономическим конфликтам, но и меняло отношение сельских жителей к труду. Итогом крестьянских стратегий выживания становились как открытые формы протеста (участие в антиправительственных выступлениях), так и уклонение от налогов, жалобы во власть на своё тяжелое положение, выход из организуемых в селах колхозов, девиантное поведение (пьянство, воровство, иные правонарушения).

Методика биографического анализа с использованием контент-анализа (автор – С.А. Хубулова) дала возможность создать типологию биографий участников движения красных партизан. Это обеспечило всестороннюю реконструкцию механизмы адаптации бывших комбатантов Гражданской войны к реалиям советских преобразований.

Комплексное применение указанных методов и подходов позволило объективно и всесторонне осветить вопросы общественных настроений красных партизан Северной и Южной Осетии и их взаимоотношения с органами власти в указанный период.

Источниковая база исследования. Работа потребовала привлечения широкого корпуса разноплановых источников, среди которых: документы Коммунистической партии, нормативно-правовые акты всероссийских и региональных органов власти, делопроизводственные документы, статистические материалы, выступления и статьи партийно-государственных лидеров, документы общественных организаций, материалы периодической печати, воспоминания и письма. Неопубликованные документы проанализированы в фондах 6 архивов Российской Федерации, а также 2 архивов Республики Южная Осетия.

Документы Коммунистической партии представлены, в том числе, директивными и отчётными документами. В ф. 17 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) изучены важные отчётные документы, направленные из Компартии Грузии в ЦК ВКП(б), в которых отражены меры осуществления решений центральных органов в Южной Осетии. В ф. 70 «Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт)» содержатся материалы о ходе привлечения бывших красных партизан, в том числе Кавказа, к написанию воспоминаний.

Партийные организации РКП(б)–ВКП(б) издавали директивные документы, которые ложились в основу деятельности местных органов управления. Этот блок документов отложился, например, в ф. 1849 «Истпарт» Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А). Это – постановления бюро Горского обкома РКП(б), Северо-Осетинского обкома ВКП(б), Юго-Осетинского обкома ВКП(б); резолюции заседаний партийных и советских органов. Ряд документов отложился также в ф. 1 Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А). Официальные распоряжения, обращения, протоколы пленумов и заседаний партийных органов позволяют реконструировать логику экономических, социальных и политических реформ 1920–1930-х гг.¹

Ценную информацию о политической, экономической и других сферах жизни Юга Осетии в 1921–1940 гг., сведения о повседневных практиках осетинского крестьянства, его отношении к хлебозаготовкам и коллективизации содержат документы ф. 1 Политического отдела Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ПО ЦГА РЮО). В ф. 27 Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО) отложился большой корпус документов, отражающих не только движение в годы первой русской революции, но и последующие события. Это анкеты участников революционных событий 1918–1921 гг. По личным делам красных партизан удалось методом контент-анализа изучить их происхождение, социальное положение, боевой путь и другие обстоятельства их жизни.

В ф. Р-2993 Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) отложился материал, отражающий положение красных партизан по всему Северо-Кавказскому краю. В личном фонде председателя краевой партизанской комиссии Д. Жлобы (ф. 912 ЦДНИРО) изучены заявления, письма, жалобы партизан Осетии с просьбой об оказании материальной помощи или устройстве на работу и учебу. Особый интерес представляют документы лиц, репрессированных в годы террора. Многие документы впервые введены в научный оборот.

¹ Съезды народов Терека. В 2-х т. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1977; Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Орджоникидзе, 1957; Москва, Кремль, Ленину: Сборник документов и материалов. Грозный, 1969; Восстановительный период в Северной Осетии. 1921–1925 гг. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1965.

Второй вид источников представлен широким спектром законодательных актов. Так, Конституции СССР и РСФСР, Северо-Осетинской АССР дали возможность выяснить политический статус крестьянства¹. Декреты СНК РСФСР позволили осмыслить складывание государственной политики по отношению к крестьянству и выявить характер и степень партийного руководства колхозным строительством в 1920-х в начале 1930-х гг.²

Третий вид источников представлен распорядительными документами – постановлениями, распоряжениями, отчётами и др. из ф. Р-44 и ф. Р-60 Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А), а также из ф. 27-1311/1330 «Протоколы Бюро «красных» партизан, красногвардейцев и участников революции 1905 г.» Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО). Именно в них отложились протоколы заседаний специальных проверочных комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (Северо-Кавказской комиссии, комиссии при областном Совете Юго-Осетии за 1930–1935 гг.). Сохранились отчёты и сводки ОГПУ о политических настроениях граждан Южной Осетии. Как правило, объективность данного вида источников наиболее точная. Проанализированные документы дают представление о проводимых в регионе акциях по выявлению бывших красных партизан и свидетельствуют не только о линии на соблюдение «чистоты рядов» красных партизан, но о реакции последних на мероприятия власти.

Речи политических и государственных деятелей, статьи, доклады – содержит четвёртый вид источников³. Были проанализированы статьи, доклады и речи В.И. Ленина и других видных политиков.

Анализ темы был бы беден без использования статистических материалов. Прежде всего, отметим Всесоюзные переписи населения, в которых представлены демографические, экономические и культурные тенденции на разных этапах строительства социализма⁴. Использование статистических материалов

¹ Конституция РСФСР 1925 года. М., 1926; Конституция СССР 1936 г. М., 1937; Конституция (Основной Закон) Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики. Орджоникидзе, 1938 // Социалистическая Осетия. Орджоникидзе, 1938. 6 июля.

² Декрет «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» // Документы Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 113–115; Декрет «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» // Там же. С. 20–21; Декрет ВЦИК и СНК «О сельскохозяйственной кооперации» // Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921 г. М., 2009. С. 142–145; Декрет № 2 Всегрузинского Центрального исполнительного комитета советов и Совета народных комиссаров ССР Грузии «Об образовании Автономной области Юго-Осетии» // Правда Грузии. Тифлис, 1922. 22 апр.

³ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 38. С. 41–73; Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1935; Бутаев К.С. Избранное. Владикавказ, 2003.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. М., 1928; Материалы по отчетному докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на 6-й партконференции. Ростов/Д., 1927; Горское ЦСУ. Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. Владикавказ, 1923; Северная Осетия. К 10-летию Октября.

позволило выявить состав Северо-Осетинской и Юго-Осетинской областных организаций ВКП(б), ход создания и тенденции развития хозяйств накануне и в ходе проведения коллективизации, а также структуру и размещение населения. Благодаря данному виду источников удалось проследить динамику развития сельского хозяйства, выявить социальный состав и имущественное положение первых колхозов в Осетии, установить этапы коллективизации.

Немаловажным источником для изучения темы является периодическая печать, которая позволяет проследить некоторые повседневные формы жизнедеятельности бывших красных партизан¹. Но необходимо отметить официально-пропагандистский характер подавляющего большинства изданий 1920–1930 х гг., что усложняет восстановление событий прошлого. Как правило, на страницах региональной печати публиковались распорядительные документы местной власти, статистические данные. Исходя из этого, периодика является важным источником, которая позволяет проследить повседневные формы жизнедеятельности бывших красных партизан, обратную связь между властью и обществом.

В 1920–30-е гг. публиковались воспоминания участников революции в литературной обработке². Политический заказ времени наложил отпечаток на воспоминания: в основном публиковались воспоминания лидеров «красных партизан», а не широкого круга их боевых товарищей; все авторы превозносили роль местных большевиков в организации партизанских отрядов; замалчивали имена представителей интеллигенции; в мрачных красках описывали действия белогвардейцев, давали негативную оценку лидеров белого движения в регионе. К ним примыкают письма и жалобы крестьян, в том числе – бывших красных партизан, в органы власти и периодическую печать, с изложением своих взглядов и просьб³.

Современные сборники документов и материалов дают возможность усовершенствовать исследования темы⁴. Новейшие публикации источников, включающие значительный пласт делопроизводственной документации партийно-

Владикавказ, 1927; Материалы по отчетному докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на 6-й партконференции. Ростов н/Д., 1927.

¹ Власть труда (1924–1929); Пролетарий Осетии (1929–1936); Социалистическая Осетия (1937–1940); Южная Осетия (1983–1990); Ирон газет (1983); Ног цард (1907), Фидиуаг (1932–1939). Хурзæрин (1924–1926), Большевикон аивад (1932–1935), Ленинон (1940), Æрыгон большевик (1924–1927), Коммунист (1932–1937).

² Такоев С.А. К истории революционного движения на Тереке (По личным воспоминаниям) // Изв. Осетин. науч.-исслед. ин-та краеведения. Владикавказ. 1926. Вып. 2. С. 309–385; Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии 1917–1921 гг. Сталинир, 1957; Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников. Орджоникидзе, 1965; Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973.

³ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998.

⁴ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. В 2 кн.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы; отв. ред. В.П. Данилов. М., 1999. Т. 1; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. / под ред. Н.Н. Покровского. М., 2005. Кн. 1.

советских органов, органов государственной безопасности, отчётов, справок и др., в т.ч., местных органов, позволяют провести реконструкцию взаимоотношений крестьянства и органов власти, национальной политики 1920–1930-х гг. в Северной и Южной Осетии¹. Во многих материалах изложены сведения о настроениях населения и сообщества красных партизан в ходе коллективизации, их реакции на раскулачивание.

Таким образом, достаточно полная и разноплановая источниковая основа исследования и спектр впервые вводимых в оборот документов позволяет реконструировать, всесторонне изучить историю бывших красных партизан Осетии и их взаимоотношения с органами власти в условиях советской действительности 1920–1930-х гг.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. В научный оборот впервые введен большой комплекс ранее не использованных источников, в том числе – документы комиссий по делам красных партизан и анкеты бывших красных партизан, что дало репрезентативный материал для сравнения не только биографических сведений, но и послевоенного статуса красных партизан в Северной и Южной Осетии. Впервые для системного изучения проблемы выбрана Осетия в целом. На основе сравнительного анализа установлены общие закономерности, а также региональные и местные особенности развития сообщества бывших красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.

2. Доказано, что в жизни дореволюционного осетинского крестьянства происходило углубление экономических и социальных противоречий, приведших к противостоянию значительной части населения и власти. Социально-экономическими причинами вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну являлись неравноправие в землепользовании, аграрное перенаселение, сохранение сословных пережитков, рост социального и этнического неравенства.

3. Комплексно охарактеризовано краснопартизанское движение в Северной и Южной Осетии, выявлены цели движения и степень большевистского влияния на население региона. Доказано взаимное влияние идей социально-классового и национального освобождения на становление взглядов красных партизан. Впервые раскрыт демографический и социальный состав красных партизан, что обеспечило определение социальной базы революционного движения в Осетии. Впервые установлено строение социальной группы красных партизан на основе анализа анкет, заявлений и обращений в органы власти, исследований комиссий по делам красных партизан.

¹ Хубулова С.А. Осетия: трагедия разделенного народа. Документы и материалы // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 19–23; Репрессивная политика Советской власти в Северной Осетии. 1920–1930-е гг.: сб. документов и материалов / сост. А.Т. Царикаев. Владикавказ, 2009; Геноцид осетин: 1920 год: документы и материалы / сост., подгот. текстов и вступ. ст. Р.С. Бзарова. Изд. 2-е. Владикавказ, 2011; Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920–1930-е гг.: сборник документов и материалов / сост. С.А. Хубулова. Владикавказ, 2016.

4. Аргументирована противоречивость социальной адаптации красных партизан Осетии к преобразованиям общества в 1920–1930-х гг. Раскрыты проявления и каналы социальной адаптации красных партизан, доказана их недостаточная эффективность. Установлены направления и мероприятия социальной политики советской власти в 1920–1930-х гг. в отношении бывших красных партизан, доказана их идеологическая обусловленность.

5. Раскрыты особенности проявлений общественных настроений и активности красных партизан Осетии, формы их активности на протяжении преобразований 1920–1930 гг., что обеспечило раскрытие тенденций адаптации их общества к послевоенной реальности и социально-политическим преобразованиям 1920–1930-х гг. Установлено своеобразие представлений бывших красных партизан о советской власти и своём месте в социальной структуре. Выявлена специфика общественных настроений и активности бывших красных партизан в отношении новой экономической политики, коллективизации и раскулачивания. Определены тактики индивидуального выживания в чуждых для революционного мировоззрения условиях.

6. Доказано, что система комиссий по делам красных партизан представляла собой механизм политического контроля над сообществом бывших комбатантов. Функции комиссий изменялись от учёта и социальной помощи бывшим партизанам к их политической проверке и обоснованию репрессий. Раскрыт противоречивый характер мер по обеспечению «чистоты рядов» и контролю над партизанским сообществом.

7. Впервые определены особенности репрессий в отношении бывших красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1930-х гг. Реконструировано общественное поведение бывших красных партизан в условиях репрессий 1930-х гг. Выявлены причины кризиса социальной группы красных партизан в 1930-х гг., общественные настроения которой не соответствовали генеральной линии ВКП(б). На основе протоколов заседаний партизанских комиссий, содержание которых впервые вводится в научный оборот, выявлены механизмы, содержание и значение политического размежевания в социальной группе красных партизан.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общественное движение 1917–1920 гг. на территории Северной и Южной Осетии было вызвано социально-экономическими причинами. Реформирование аграрных отношений в начале XX в. кардинально изменило традиционный уклад жизни сельского населения. Социально-экономическими причинами вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну являлись неравноправие в землепользовании, аграрное перенаселение, сохранение сословных пережитков, рост социального и этнического неравенства. Происходившая пауперизация крестьянства приводила к нарастанию социальной напряжённости, вылившейся в антипомещичье движение. В ходе революции 1917 г. аграрное движение вызывало волну погромов помещичьих имений, а также перераспределение общинной земли. Однако «черный передел» вскоре был прерван начавшейся Гражданской войной.

2. Формирование движения красных партизан стало реакцией крестьянства Осетии на деникинские и грузинские бесчинства. Красные партизаны ставили цели уравнительного передела земли, установления власти Советов, национального равноправия и автономии единой Осетии, изгнания белогвардейцев. Значительное влияние на красных партизан оказали не только местные большевики, но и национальные лидеры, демократические партии «Кермен» и «Чермен». В состав партизанских отрядов входили в основном сельские жители молодого и среднего возраста, представители малооплачиваемых профессий и селений, наиболее страдающих от малоземелья. По мере вооруженной борьбы красные партизаны прониклись идеями большевизма и становились непримиримыми в отстаивании своих идей.

3. Социальная адаптация красных партизан Осетии к преобразованиям общества в 1920–1930-х гг. была противоречивой и недостаточно эффективной. Проявлениями адаптации выступали вовлечение красных партизан в ряды Коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, общественных организаций, а также получение наделов земли и социальных льгот, ликвидация неграмотности. Но данные меры не всегда работали эффективно. Значительная часть бывших красных партизан беднела и маргинализировалась, что подпитывало оппозиционные уравнительные настроения. Социальная политика Советского государства 1920–1930-х гг., направленная на предоставление льгот для бывших красных партизан Северной и Южной Осетии, имела в своей основе классовый и политический подход: те партизаны, которые были замечены в противодействии преобразованиям (землеустройство, коллективизация, раскулачивание и др.) лишались не только возможности получать льготы, но и исключались из состава партизанских организаций.

4. Установление Советской власти и строительство мировой жизни в Северной и Южной Осетии частично лояльно воспринималось массой красных партизан, которые считали себя героями Гражданской войны и требовали соответствующего отношения со стороны органов власти. Их общественные настроения состояли в осуждении имущественного неравенства периода НЭПа, тенденций бюрократизма и коррупции, отрыва правящей номенклатуры от народа. Значительная часть красных партизан не одобряла ускоренную насильственную коллективизацию, требовала воссоединить Северную и Южную Осетию. Красные партизаны долгие годы не принимали новых правил общественной жизни, настоятельно требуя осуществить справедливое общественное устройство. Этим и были опасны бывшие участники Гражданской войны, политически активные и обладавшие опытом самоорганизации, которые могли повернуть оружие против власти.

5. Партизанские комиссии, созданные в середине 1920-х гг. на краевом и местном уровнях, первоначально имели задачи учёта бывших красных партизан и оказания им социальной помощи, поддержки в получении образования и карьерном росте. Однако комиссии по делам красных партизан в 1930-х гг. стали выполнять «чистки» в партизанской среде путем ежегодного предоставления пакета документов, подлежащих тщательной проверке. Именно материалы ко-

миссий стали доказательной базой для репрессий социальной группы партизан в 1930-х гг.

6. Значительные потери сообщество красных партизан понесло в ходе массовых репрессий 1930-х гг., когда не только рядовые партизаны, но и их представители, достигшие высоких партийно-государственных постов, были репрессированы. В большинстве случаев репрессиям были подвергнуты красные партизаны – ядро движения за автономию и объединение двух частей единой Осетии. Проведённый контент-анализ позволил определить, что, несмотря на устойчивое военное братство, социальная группа красных партизан оказалась умело расколота с помощью предоставления льгот и материальных благ, пропаганды непримиримости к «классовым врагам».

Соответствие диссертационного исследования Паспорту научной специальности. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Направления исследований: п. 4 – «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов»; п. 6. – «История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития»; п. 7 – «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности»; п. 11. – «Социальная политика государства и её реализация в соответствующий период развития страны».

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что удалось реконструировать важную составляющую социальной истории послереволюционной эпохи – положение бывших красных комбатантов, внёсших в Северной и Южной Осетии значительный вклад в победу большевиков. Соискатель вводит в научный оборот большой корпус разноплановых новых источников. Работа позволяет применять новые методологические подходы к изучению общественных настроений и активности социальных групп советского общества 1920–1930-х гг.

Авторские положения и выводы могут получить применение в научных исследованиях по истории региона, в ходе лекций по краеведению Северного Кавказа, специальных курсов по отечественной истории для студентов высших учебных заведений и учащихся средних школ, а также при подготовке учебных пособий, в экспозиционной деятельности музейных учреждений.

Степень апробации исследования. Основные положения диссертации изложены в выступлениях соискателя на научных конференциях международного уровня: в III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистров и студентов «Научный потенциал молодёжи в решении задач модернизации России» (г. Пятигорск), 24–25 апреля 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30–31 августа 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Новейшие достижения в науке и образовании» (г. Смоленск, 31 августа 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Разработка и решение актуальных и научных про-

блем: вопросы теории и практики» (г. Смоленск, 31 мая 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Россия в мировой истории, науке и культуре» (г. Челябинск, 15 июня 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков» (г. Темрюк, 21–23 апреля 2023 г.).

Соискатель опубликовала 21 научную работу по теме исследования, в том числе – 6 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования России, 1 статью в издании, индексируемом в международной базе цитирования Web of Science, является редактором 2 сборников документов.

Авторские материалы апробированы в ходе преподавания дисциплин специализации в Юго-Осетинском государственном университете им. А.А. Тибилова (г. Цхинвал) и в ходе реализации международного научного проекта РФФИ № 16-21-13001-ОГН ОГН-МОНРЮО-А «Комбатанты революции и Гражданской войны в советских реалиях 1920–1930-х гг.: иллюзии и повседневные практики (на материалах Северной и Южной Осетии)».

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории и методики истории и обществознания ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт».

Структура диссертационного исследования обусловлена целью и задачами и состоит из введения, двух глав (в составе шести параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Реализован проблемно-хронологический принцип исследования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность темы, определены объект и предмет диссертации, её цель и задачи, проанализирована степень изученности темы. Обосновываются хронологические и географические рамки, раскрыта методологическая и источниковая основа работы; изложены научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость диссертации, представлена степень апробации исследования, соответствие паспорту научной специальности. Кратко изложена структура исследования.

В первой главе «Причины, направленность и методы движения красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1917–1920 гг.», состоящей из трех параграфов, даётся характеристика основных отличий Осетии от других российских регионов, социально-экономического развития обеих частей Осетии. Определены цели и причины крестьянского недовольства, пути вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну и формы политического поведения сельских тружеников в революционных событиях 1917–1920 гг. Выявлен социальный состав движения красных партизан в Осетии и их последующая адаптация к советской действительности.

Первый параграф первой главы «**Социально-экономические причины вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну**» раскрывает специфику региона, особенные формы, комплекс отличительных причин, которые коренились как в социально-экономических особенностях Осетии, так и в ментальных установках, этническом характере и т.д. Сложность земельных отношений, отставание аграрной модернизации, крайне низкий жизненный уровень, аграрное перенаселение в Осетии тормозили и осложняли условия существования крестьянства. Запутанность поземельных отношений и специфика региона выявилась, когда царизм, преследуя цели усмирения горцев, переселил на Юг России большие подразделения казачества. Составляя не более 20% населения Терской области, казаки имели в собственности свыше 60% земельных площадей. В Южной Осетии крестьянство оказалось под гнетом грузинских князей, помещиков, прикрывавшихся российской административной системой. Помещики, составлявшие 1,6% населения, владели 130 179 дес. всей земли (85%), тогда как 53 373 крестьян владели 12 570 дес. Второй особенностью была чересполосица, которая сильно тормозила применение сельскохозяйственной техники и мешала прогрессу. Третьим отличием от Центральной России стало наличие большого количества иногородних крестьян, не прописанных в общинах и не имевших прав на землю.

Следующим проявлением специфики региона являлось решение национального вопроса, который стоял довольно остро и в Северной (напряжение между казачеством и местным крестьянством, а также внутри последнего), и в Южной (борьба с грузинскими националистами за «черный передел») Осетии. Именно решение вопроса о земле, борьба с произволом помещиков и казаков стали причинами вовлечения крестьянства Осетии в национально-освободительное движение начала XX в. Таким образом, осетинское крестьянство, как и крестьянство России в целом, находилось в тяжелых социально-экономических условиях, что неизбежно приводило к активизации его общественного движения.

Во втором параграфе первой главы «**Цели и социальный состав движения красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1918–1921 гг.**» исследуется цели и динамика формирования движения в годы Гражданской войны, рассматриваются социально-демографические характеристики участников партизанских отрядов Осетии. Данные анкет бывших комбатантов, впервые подвергнутые нами статистическому анализу, позволяют заключить, что основная часть красных партизан состояла из людей, имевших жизненный опыт, участвовавших в политической борьбе в 1905–1907 и 1918–1920 гг. Элемент организованности и сознательности в крестьянскую массу вносили отходники и служившие в армии; они получили жизненный и политический опыт в городах, на предприятиях, учебных заведениях. Лидерами революционных масс становились, прежде всего, представители национальной интеллигенции, прошедшие школу политического становления в среде российских социал-демократов, обладавшие непререкаемым авторитетом среди населения. Особенностью Осетии было и то, что в основном это – сельскохозяйственный регион, рабочие кадры

практически отсутствовали. Поэтому говорить о союзе рабочих и крестьян в Осетии в ходе Гражданской войны неверно.

В начале революционных событий 1917 г. происходил второй этап политического развития и осознания целей борьбы. Основными оставались ориентация Осетии как единого этнического ареала на Советскую Россию, реализация права народов на самоопределение, создание собственных органов власти, равноправный передел земли, протест против оккупации территорий и вмешательства во внутренние дела Осетии, противостояние антисоветским силам, препятствовавшим реализации перечисленных целей. Таким образом, политическая победа большевиков, как на юге, так и на севере Осетии, рассматривалась осетинским народом в качестве основы сохранения и достижения намеченных целей. Особенно наглядно это проявлялось в период политического обострения обстановки.

В начале февраля 1919 г. вся территория Терской Советской республики была оккупирована войсками Добровольческой армии. Ответом на акты насилия и террора белого движения стало сопротивление местных жителей, объединённых повстанческими отрядами. Действия партизан доставляли деникинцам серьезные проблемы. Важно отметить о совместных военно-политических действиях революционных сил Осетии во имя достижения общих целей – освобождения от гнета, установления социальной справедливости и национального самоопределения.

Не менее драматично развивались революционные события в Южной Осетии. Начиная с объявления независимости Грузинской демократической республики, её решения об отделении от Советской России и вмешательства во внутренние дела Юга коллизии осетино-грузинского конфликта перешли в острую, открытую фазу. В сёлах Южной Осетии продолжился процесс формирования партизанских отрядов, которые направляли оружие против меньшевистских войск. Из-за расформирования Осетинского национального полка борьбу против превосходящей меньшевистской гвардии пришлось вести силами юго-осетинских повстанцев. Крестьянские массы возглавлялись местной интеллигенцией, а также бежавшими от преследования деникинцев большевиками из Северной Осетии. На первом этапе народного сопротивления действия красных партизан направлялась членами Юго-Осетинского национального совета. В условиях Гражданской войны и внешнеполитического давления основное бремя ложилось именно на национальных/революционных лидеров как основных двигателей масс.

Однако, югу Осетии, несмотря на заверения грузинского командования о ненападении, пришлось испытать ужасы ещё трех карательных экспедиций. Противостояние закончилось разгромом повстанцев летом 1920 г. и полным разорением края. По различным данным, численность беженцев колебалась от 20 до 50 тыс. чел., можно с полным правом утверждать, что против осетин был осуществлён геноцид. Спецификой краснопартизанского движения в Южной Осетии стали как отрядная, так и территориальная форма формирования. Такая специфика во многом была обусловлена тем, что с самого начала движение по-

пало под сильное партийно-идеологическое и политическое влияние большевизированных членов окружного комитета и представителей грузинской группы большевиков, нередко по-разному представлявших конечные цели. Казалось бы, победа Советской власти в Грузии должна была обеспечить свободное развитие Южной Осетии. Но политика жёсткого давления меньшевистского правительства на Юг сменилась на «мягкий террор», проводимый грузинскими большевиками.

Поверхностный взгляд на массу участников революционных отрядов скрывает всю палитру настроений, устремлений и побудительных мотивов. Вначале создаётся впечатление о единстве целей и их слаженной реализации. Но более обстоятельный анализ позволяет определить совершенно разнородные слои: одни охвачены революционными идеями переустройства общества; другие оказались случайными попутчиками; третьи с помощью оружия получают большую власть над массой, и, наконец, есть и разрушители по природе и революционная стихия дает большой простор для их деятельности.

Было бы ошибкой утверждать, что в революционных массах Осетии отсутствовала сознательность, как и то, что рациональная составляющая движения была связана только с классовыми целями. Отличием революционной массы от других протестующих групп было преобладание революционных идей и целей.

В третьем параграфе первой главы «Социальная адаптация красных партизан Северной и Южной Осетии в условиях преобразований 1920–1930-х гг.» раскрывается динамика социальной адаптации комбатантов. Партизанское движение сыграло огромную роль в ослаблении и ликвидации на территории Осетии антисоветских сил. Завершение военных действий и установление советской власти неизбежно ставили вопрос о дальнейшем существовании партизанских отрядов, которые обладали большим количеством неконтролируемого оружия. Социальная адаптация бывших комбатантов к мирной жизни началась в условиях начавшегося голода, полной разрухи, продовольственного кризиса, отсутствия должной материальной поддержки малоимущих, нехватки сельскохозяйственного инвентаря, что затрудняло реализацию НЭПа. Это приводило к обострению многих социальных проблем (беспризорности, нищеты, безработицы), неизбежно ведущих к росту напряжения и недоверия к власти. Ситуация на местах осложнялась тем, что значительную часть партизан составляли крестьяне, которые после войны вернулись к занятию сельским хозяйством. Отныне любые перегибы и ошибки в проведении социально-экономических преобразований не могли не сказываться на их отношении к политике большевиков. Это отразилось на причинах массового исхода из рядов РКП(б), комсомола, сельскохозяйственных коммун не только сознательной части бывших партизан, но и обывателей.

Некоторые наиболее активные партизаны получили должности в партийно-государственных органах власти, остальная масса осталась за бортом новой жизни, за которую они рисковали своими жизнями. Часть красных партизан в это время оказала поддержку правящему режиму, вступая в колхозы, принимая участие в хлебозаготовках и выселении кулаков (в том числе, своих бывших

боевых товарищей). Первые пошли в фарватере политики власти до конца, не сомневаясь в правильности избранного курса. Но наряду с этим другая часть борцов за справедливое социальное устройство резко выступила против перегибов хлебозаготовок, раскулачивания и т.д. В данном случае, бесспорно, сказалась пассионарность красных партизан, не утраченная ими на протяжении 1920–1930 х гг., т.е. в стрессовой ситуации они реагировали наиболее активно. Социальная группа красных партизан, пользуясь своим статусом, понимая необходимость создания единого экономического и культурного пространства обеих частей Осетии, в новых условиях пыталась взаимодействовать с советскими центральными органами власти для поднятия уровня жизни населения. К примеру, была предпринята попытка лоббировать постройку перевальной дороги через Кавказский хребет, имевшей не только региональное, но и общесоюзное значение, под началом красного партизана Р. Гаглоева.

Однако надежды на перемены так и остались иллюзией, жизненные практики оказались суровыми и безрадостными. Контент-анализ анкет красных партизан показал следующие результаты: 15% получали бесплатную медицинскую помощь, 10% получили скидку в 50% при устройстве детей в детские сады, 10% платили льготный налог; не пользовались никакими льготами 65%; обойденные вниманием властей бывшие партизаны обычно в графе «Какими льготами пользуетесь» ставили прочерк или писали «никакими». При этом прослеживается широкий спектр предпочтений для руководящих кадров. Общеизвестно, что революционные настроения рождаются как результат негативных социально-экономических условий. Очевидна взаимосвязь между растущими бытовыми неурядицами и социальной напряжённостью настроений масс.

Во второй главе «Государственная власть и общественно-политические настроения в осетинском селе 1920–1930-х гг.» дана характеристика процессов, оказавших влияние на повседневную жизнь и мировоззрение бывших красных партизан, их взаимоотношения с органами власти.

В первом параграфе второй главы «Основные проявления общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1920-1930-х гг.» обозначены формы и методы общественного поведения красных партизан Осетии в условиях послевоенной жизни.

Разрушительное переустройство традиционной жизни общества не могло не отразиться на современниках и участниках этого процесса. Бывшие красные партизаны, несмотря на явное и открытое недовольство общим положением дел в стране, в основной своей массе всё же четко позиционировали себя как верные сторонники советской власти. Эта приверженность выступала базовой характеристикой их консолидации как особой социальной группы нового общества. Но отношение органов власти к бывшим партизанам двойственно.

Анализ документов позволяет сделать ряд выводов: во-первых, в активизации поведения индивида большую роль играет роль толпы, когда коллективный фактор давит на человека, заставляя не противопоставлять себя обществу; во-вторых, в группе появляются вожаки, которые снискали почет и уважение сограждан своими властными способностями и доблестью. Во время Граждан-

ской войны в противостоянии белых и красных крестьяне делали выбор в пользу последних, так как именно им удалось привлечь идеями равенства и «черного передела». Но позже, когда в деревне стали осуществляться военно-коммунистические мероприятия, крестьянство отреагировало на них негативно. Социальная группа красных партизан раскололась на небольшую, но обладающую властью группу, высокомерно относящуюся к тем, кто так и не смог подняться по социальной лестнице, а также значительную часть тех, кто не получил за заслуги никаких преимуществ от государства. Анализ архивных материалов позволяет проследить, в каких формах выражался пассивный протест бывших комбатантов. Прежде всего, внутренний протест граждане проявляли путём неучастия в разного рода политических кампаниях – собраниях, выборах Советов, деятельности крестьянских обществ взаимопомощи и кооперативов.

Формируя новую социальную структуру общества, большевики стремились произвести «очищение» от нежелательных элементов. С этой целью, например, соискатели звания «красногвардеец» и «красный партизан» должны были доказать свои заслуги перед властью. Органы власти заговорили о социально близких красным партизанам и социально чуждых, которые поддерживали оппозицию. Началась борьба по выявлению и выселению последних.

Чтобы осветить эти проблемы, мы проанализировали 960 анкет, заявлений и писем бывших комбатантов. Предложенная методика позволяет провести достаточно глубокий анализ общественного сознания красных партизан в двух направлениях – социально-психологическом и политическом, определить общее и специфическое в поведении как в процессе вступления в Гражданскую войну, так и в условиях мирного времени.

После 1920-х г. проблема взаимодействия с социальной группой партизан встала по-другому: правящему режиму нужна была контрольная система, выступающая не только источником информации о внутренних процессах, но и инструментарием воздействия на красных партизан. Всё это обусловило появление специальных проверочных комиссий.

Второй параграф второй главы «Формирование системы политического контроля над красными партизанами в 1920-1930–х гг. в Северной и Южной Осетии» второй главы посвящен исследованию возникновения и организационного укрепления системы политического контроля над красными партизанами через партизанские комиссии, разработки их нормативной базы, формирования главных направлений их деятельности. Решающее значение имели задачи, масштабы, принципы, формы и методы реализации деятельности партизанских комиссий.

Формально кампании по чистке рядов имели одну цель – удаление из организаций красных партизан идеологически «чуждых» лиц. Единство и поддержка политики правящей партии достигалось путем отсекаемых несогласных. Совокупность факторов, характерных для Осетии в 1920–1930-х гг. обусловила стремление власти к самосохранению путем создания эффективной системы политического контроля над бывшими партизанами. Комбатанты были в полной уверенности, что комиссии поспособствуют их плавной адаптации к

реалиям нового времени, примут их заслуги перед властью; власть же таким способом рассчитывала держать под контролем их сообщество. На протяжении исследуемого периода система политического контроля в партизанских комиссиях изменялась, отражая общие тенденции развития и укрепления партийно-политической вертикали власти, пройдя несколько этапов: от помощи всем ветеранам войны до политических чисток рядов и выявления инакомыслящих.

Первоначально цель проверочных комиссий виделась прежде всего в определении точного количества бывших ветеранов, сборе полной информации об их материальном положении, нуждах, определении и равномерном распределении льгот для них, своевременной реакции на жалобы и заявления, предотвращении нарушений членами социальной группы положений и устава комиссий и т.п. Немаловажно было также выявление степени лояльности государственному строю. Политические процессы в обществе 1930-х гг. призваны были сделать общественные организации управляемыми и контролируемыми. Красные партизаны же со своей верой в социальную справедливость и желанием добиваться её всеми доступными, в том числе – вооружёнными методами, объективно становились противниками породившего их большевизма. Таким образом, в ходе работы партизанских комиссий в 1930-х гг. стали складываться контуры будущего раскола в краснопартизанской социальной группе, оно разделилось на большинство неимущих, бесправных, обиженных и небольшой слой состоявшихся в карьере лиц.

Изучение эволюции политического контроля и рефлексии на это социума комбатантов, выявление особенностей деятельности проверочных комиссий на разных этапах позволяет глубже понять общественно-политические процессы, которые разворачивались в Осетии в межвоенный период.

В третьем параграфе второй главы «Репрессии в отношении бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1930–х гг.» раскрыта эволюция методов воздействия органов власти на краснопартизанские организации. Акцентируется внимание на том, что репрессии окончательно раскололи сообщество партизан, приведя к его ликвидации. По мере развития этого процесса происходило ужесточение мер лишения прав новых категорий населения, в том числе некогда надежной опоры власти – красных партизан. Таким образом, создавалась регулируемая государством новая структура общества. Задачей проверок стало не только выявление самозванцев, обманно пользовавшихся льготами, но и тех, кто хоть как-то чернил имя красного партизана своим поведением. Со временем для проверки предоставляемых данных комиссии привлекали в помощь органы ОГПУ/НКВД, по функциям всё более сращиваясь с ними. Именно поэтому перечень вопросов в анкетах становится более обширным. Для воздействия на сообщество изнутри него использовался механизм сбора и обработки жалоб, заявлений, а также критики, доносы. «Масло в огонь» подливали некоторые участники движения, оказавшиеся в плену губительных иллюзий о том, что их «сигналы» во власть помогают разоблачению идейных врагов. В комиссию часто поступали заявления с негативной информацией о жизни кого-то из бывших партизан. Власть поощряла доносительство, не всегда разби-

раясь в его причинах. В 1930-е гг. такая форма контроля расцвела и стала наиболее активной. Нередко доносы фабриковались теми, кто хотел получить от власти больше, чем заслужил, и считал виной своего карьерного застоя других красных партизан.

Политическая гибкость власти состояла в умении балансировать между сторонниками и противниками режима: поддерживая одних, она обрушивала на головы других карательные меры. Те люди, которые проявляли хоть какое-то свободомыслие, лишались не только социальных льгот, но и политических прав, что в конечном итоге скидывало их на «социальное дно», делая маргиналами. К середине 1930-х гг. некогда сплоченное сообщество партизан благодаря чисткам расколосось на два противоположных лагеря – на героев революции и её изгоев. И это не было последним ударом.

В Осетии партийные и советские органы с 1920 г. формировались из коммунистов-фронтовиков, бывших красногвардейцев и красных партизан. Но задача, за которую некогда они сражались, – объединение Осетии стало нереальным в условиях 1930-х гг. Северная Осетия стала автономной областью в составе РСФСР, а Южная Осетия – автономной областью в состав Грузии. Многие красные партизаны требовали воссоединить Северную и Южную Осетию в составе РСФСР. Как и ранее, бремя разрешения проблемы легло на плечи наиболее активной части военно-политического ядра бывших партизан, многие из которых были на достойном счету у власти. Однако, именно этот пассионарный слой стал восприниматься органами власти как детонатор разрушения социально-экономического и политического порядка. Впоследствии путём чистки рядов партизан будут выявлены все участники объединительных движений. Все они позже окажутся в расстрельных списках. К середине 1930-х г. в такие списки попали уже все яркие деятели партизанского движения, от военно-командного ядра, бывших организаторов и руководителей революционного движения до действующих партфункционеров и рядовых сотрудников.

Постепенно в годы Большого террора расстрельные списки пополнялись представителями и национальной интеллигенции, лишенных статуса красных партизан и обвинённых в причастности к националистическим организациям, якобы цель которых – свержение Советской власти и отделение от СССР. Те партизаны, которые получили возможность приспособиться к новым условиям жизни, воспринимали политику большевиков с полной симпатией. Этот слой пошёл в фарватере политики власти до конца, не сомневаясь в правильности избранного курса. Но была и другая часть; оставшиеся на обочине жизни красные партизаны не смогли смириться с тем, что жизнь идёт не в том русле, которое они представляли во время революционных сражений. Это вызывало у них неприятие, отторжение и открытое недовольство.

В 1935 г. деятельность партизанских комиссий была завершена, главная задача этих организаций была реализована – социальная группа красных партизан расслоилась, начались внутренние дразги, что сильно ослабило единство комбатантов. Власти они не могли больше причинить неприятностей, поэтому их роль была сыграна. Личные анкеты бывших красных партизан легли в осно-

ву последующей волны репрессий в 1936–1938 гг., окончательно закрыв вопрос существования социальной группы партизан. Она прекратила своё организованное существование во второй половине 1930-х гг.

Таким образом, власть расправилась со своими бывшими сторонниками, которые в новых условиях не поняли изменившихся правил игры и наивно верили в свой политический иммунитет. Оставшаяся часть красных партизан предпочла отказаться от поисков правды и растворилась в советском обществе, уже не представляя угрозы для власти.

В Заключении подведены итоги исследования. Помимо основных схожих с российскими регионами социально-экономических причин вовлечения крестьянства в Гражданскую войну, специфическим проявлением региональной самобытности явилось решение национального вопроса, который довольно остро стоял в обеих частях Осетии. Именно решение вопросов о самоопределении и справедливом переделе земли станет основой массового принятия идей большевиков и их поддержки со стороны населения. Ввиду невозможности формирования собственных национальных полков, для отстаивания интересов борьбу против антисоветских сил начнут иррегулярные партизанские отряды. Осетия во всех военно-политических процессах 1917–1921 гг. на Кавказе выступала как единое этнополитическое сообщество, отстаивавшее свою правосубъектность принципиальной ориентацией на Советскую Россию, а совместные действия партизанских отрядов против антисоветских сил велись на всей территории Осетии.

В руководителях партизанских отрядов окажутся либо фронтовики, не обязательно имевшие полное образование, либо студенты и интеллигенты. Как правило, именно многие участники военно-руководящего ядра отрядов составили затем костяк партийно-советской номенклатуры, делая успешную карьеру. Несмотря на многочисленные потери, красные партизаны стали вооружённой силой большевиков и вместе с прибывшими на Кавказ в 1920 г. частями Красной армии разгромили оппозиционные силы, участвовали в советизации Закавказья. После завершения Гражданской войны партизанские отряды были расформированы, бывшие бойцы возвращались в места своего проживания. Партийное руководство понимало необходимость особого подхода к бывшим партизанам. С середины 1920-х гг. был принят курс на максимальное вовлечение бывших партизан в социалистическое строительство. Для решения вопросов, связанных с их адаптацией к мирной жизни, формировались комиссии помощи бывшим красным партизанам. Для более плавного вхождения красных партизан в мирные реалии власть предоставила материальную и финансовую поддержку, льготные налоговые ставки и ряд других льгот, которые для многих комбатантов так и остались на бумаге. Партизанские комиссии имели возможность рекомендовать или отказать соискателю в их получении. Хотя список льгот был весьма небольшим, но в обстановке тяжелого социально-экономического положения и они были важны. Кроме того, признание за человеком льгот выделяло его из общей массы, признавало его заслуги перед властью, являлось пропуском в лучшую жизнь. Но большинство бывших партизан

вернулось к прежним занятиям землепашцев, пастухов и чернорабочих. В период нэпа многие комбатанты пополняли ряды безработных, влача полуголодное существование. Для этих слоёв партизанского сообщества изменений в социальном статусе не произошло: они оказались на обочине новой жизни, несмотря на свои героические поступки в годы войны. Их надежды на лучшую жизнь так и не были реализованы, что приводило к психологическим проблемам, резким реакциям на любую несправедливость; вызывало озлобление и открытое недовольство. Социальные лифты оказались доступны лишь немногим бывшим партизанам, лояльным действующему строю.

Резкий поворот в политике ВКП(б) на рубеже 1920–30-х г. от НЭПа к коллективизации, форсирование индустриализации и наступление на «классово чуждые элементы» обострили социально-экономическую ситуацию в стране. Красные партизаны как выразители крестьянских настроений выражали стремление к свободе хозяйственной деятельности без насилия и принуждения и стали представлять для власти угрозу. Эти факторы стали причиной открытых антисоветских выступлений в Осетии в 1920-е гг., цель которых была в реализации крестьянских идеалов. Существовавшая система не могла допустить сопротивление партийной политике, что и вызвало необходимость применения методов политического контроля за несогласными через систему комиссий. Социальная группа партизан стала раскалываться изнутри и извне.

Ещё одной формой раскола партизанского сообщества в Южной Осетии стало организованное властью переселение части бывших красных партизан в Северную Осетию и Пятигорский округ. Большевистские власти Грузинской ССР не хотели иметь рядом такой социально неспокойный элемент, как осетинские красные партизаны, проявлявшие недовольство проводимой политикой этнической дискриминации. С этой целью часть партизанского сообщества для его ослабления, во-первых, была выселена за пределы Грузии в российские регионы для растворения в массе населения, что мотивировалось необходимостью наделения землей (хотя в Грузии после проведённой национализации земли было достаточно для всего населения); во-вторых, в России имелись вооруженные силы, способные подавить любое проявление недовольства проводимой политикой. Но наибольший раскол в сообщество внесла деятельность партизанских комиссий. На первых порах созданные комиссии по проверке документов действовали достаточно лояльно, довольствуясь теми сведениями, которые предоставляли соискатели, обеспечивая их некоторыми льготами. Но к началу 1930-х гг. власть пошла по пути ужесточения проверок, которые стали проходить как «чистки». Анализ анкет и протоколов проверочных комиссий показал нарушения и значительные перегибы в работе комиссий, заново стала создаваться социальная структура общества, основой которой объявлялись рабочие и крестьяне, абсолютно лояльные к власти. Трагедия раздела Осетии ещё больше проявится в 1930-х гг. во время «чисток», когда красные партизаны Севера оказались под юрисдикцией и защитой центра, а на комбатантов Юга распространились права Всегрузинского комитета по делам красных партизан и красногвардейцев. Такое правовое влияние привело к усилению разрыва в ма-

териальном, социальном, политическом положении между партизанами севера и юга Осетии, к завышенным темпам репрессий по отношению к последним. Так, если из числа северо-осетинских партизан пенсии республиканского значения получали примерно 10% заявителей, то на юге – лишь 1%. Из 700 чел., репрессированных по Северо-Осетинской АССР, примерно 14% составили бывшие партизаны, а из 400 чел. по Юго-Осетинской автономной области – 46% были партизанами. Внутренние и внешние факторы неизбежно оказывали разрушительное влияние на устройство сообщества красных партизан.

С середины 1930-х г. начинается постепенное вытеснение из партийных и советских органов власти представителей красных партизан. Пришедшие им на смену новые кадры руководящих работников были абсолютно верны политическому режиму, что даёт возможность говорить о безоговорочной поддержке политики ВКП(б) всеми комбатантами. В итоге сообщество бывших красных партизан перестало быть малоуправляемой частью советского общества и уже не выделялось из общей массы. Так завершается этап сложных взаимоотношений ветеранов Гражданской войны с органами власти. Большой террор привёл к окончательной ликвидации группы инакомыслящих партизан вследствие репрессий, уничтожив некогда спаянную социальную группу красных партизан.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ СОИСКАТЕЛЯ:

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Гаглоева Б.Б., Хубулова С.А. Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов Гражданской войны в условиях перехода к миру // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2016. № 3. С. 95–100 (0,38/0,75 п.л.).

2. Гаглоева Б.Б., Хубулова С.А. Жизненные стратегии ветеранов Гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ, 2017. № 25 (64). С. 88–99 (0,55/1,1 п.л.).

3. Гаглоева Б.Б. Материальное положение красных партизан в 1930-х гг.: специфика и региональные особенности льготной программы (на материалах Юга Осетии) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 9 (53). С. 51–54 (0,5 п.л.).

4. Гаглоева Б.Б., Сосранова З.В., Хубулова С.А. Послереволюционная жизнь бывших красных партизан (по материалам Северной Осетии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2018. № 6 (43). С. 79–87 (0,3/0,78 п.л.).

5. Гаглоева Б.Б. Анкеты бывших красных партизан как источник по социально-политической истории 1920–1930-х гг. (на материалах Северной и Южной Осетии) // Альманах Казачество. 2020. № 49 (7). С. 59–64 (0,75 п.л.).

6. Гаглоева Б.Б., Хубулова Э.В., Хаблиева Л.Ч. Жалобы бывших партизан Осетии на лишение их этого статуса (1933–1935 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 1. С. 20–29 (0,28/0,84 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Scopus, Web of Science):

7. Gagloeva B.B., Khubulova S.A., Sosranova Z.V., Dzotsoeva Z.E., Tsarikaev A.T. Social reflections of former civil war red partisans in the post-war // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism / Conference Chair(s): D.K.-S. Bataev. Nicosia: Future Academy, 2019. P. 2510–2515 (0,2/0,9 п.л.).

Сборники документов:

8. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920–1930-е гг. Сборник документов и материалов / сост. С.А. Хубулова, Б.Б. Гаглоева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та, 2016. Т. 1. 233 с. (7,3/14,6 п.л.).

9. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920–1930-е гг. Сборник документов и материалов / сост. Б.Б. Гаглоева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та, 2018. Т. 2. 375 с. (23,5 п.л.).

Иные публикации:

10. Гаглоева Б.Б. Осетия в пространстве советской национальной политики // Научный потенциал молодежи в решении задач модернизации России: материалы III междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистров и студентов (г. Пятигорск, 24–25 апр. 2014 г.). Пятигорск: Изд-во Сев.-Кав. ин-та РАНХиГС, 2014. С. 40–42 (0,4 п.л.).

11. Гаглоева Б.Б. Жизнь и деятельность Рутена Гаглоева // Актуальные проблемы исторической науки: взгляд молодых ученых: материалы 2-й Всеросс. (с междунар. участием) молодёж. науч. школы-конф. Владикавказ: ИП Цопанова А.Ю., 2014. С. 428–435 (0,75 п.л.).

12. Гаглоева Б.Б. К вопросу об особенностях партизанского движения в Осетии в период Гражданской войны // Современные тенденции развития науки и технологий: материалы 17-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 30–31 авг. 2016 г.). Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2016, № 8–3. С. 87–89 (0,39 п.л.).

13. Гаглоева Б.Б. Рутен Гаглоев – известный общественный деятель Осетии // Новейшие достижения в науке и образовании. Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Смоленск, 31 авг. 2016 г.). Смоленск: Наукосфера, 2016. С. 30–32 (0,5 п.л.).

14. Гаглоева Б.Б. Аспекты антирелигиозной пропаганды и агитации в Южной Осетии // Россия в мировой истории, науке и культуре. Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 15 июня 2017 г.). Челябинск: Науч.-исслед. центр «Антро-Вита», 2017. С. 9–18 (0,86 п.л.).

15. Гаглоева Б.Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920-1930-е гг. // Разработка и решение актуальных и научных проблем: вопросы теории и практики. Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Смоленск, 31 мая 2017 г.). Смоленск: Наукосфера, 2017. Ч. 1. С. 26–32 (0,5 п.л.).

16. Гаглоева Б.Б. Деятельность «комиссии по проверке и выявлению из населения Юго-Осетии бывших красногвардейцев и красных партизан, дружинников революции 1905 г.» и «Комитета красногвардейцев и партизан» // Гуманитарный научный вестник. СПб., 2017. № 4. С. 26–32 (0,5 п.л.).

17. Гаглоева Б.Б. Особенности партизанского движения в Осетии // Учёные записки Южно-Осетинского государственного университета. Цхинвал, 2018. Вып. 6, ч. 1. С. 70–76 (0,57 п.л.).

18. Гаглоева Б.Б. Механизмы формирования региональной элиты из числа бывших партизан в 20–30-х гг. (на примере Южной Осетии) // Ежемесячный международный журнал «European multiscience journal». Будапешт, 2018. № 20. С. 15–20 (0,9 п.л.).

19. Гаглоева Б.Б., Хубулова С.А. «Про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете»: комбатанты Осетии в эго-документах // Электронный журнал «Кавказология». Нальчик, 2018. № 3. С. 54–68 (0,6/1,2 п.л.).

20. Гаглоева Б.Б. Формирование национальной элиты Южной Осетии в 1920–1930-х гг. // Глобальный научный потенциал. СПб., 2018. № 12 (93). С. 198–203 (0,45 п.л.).

21. Гаглоева Б.Б., Туфанов Е.В. Становление и функционирование системы партизанских комиссий в 1920-х гг. (на материалах Северной и Южной Осетии) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Темрюк, 21–23 апреля 2023 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 214–219 (0,2/0,4 п.л.).

ГАГЛОЕВА БЭЛА БОТАЗОВНА

**КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1920-1930-Х ГГ.:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ
СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 29.08.2023 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ № 5338.2
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

